

È p ä è è ñ ó ä ü á û

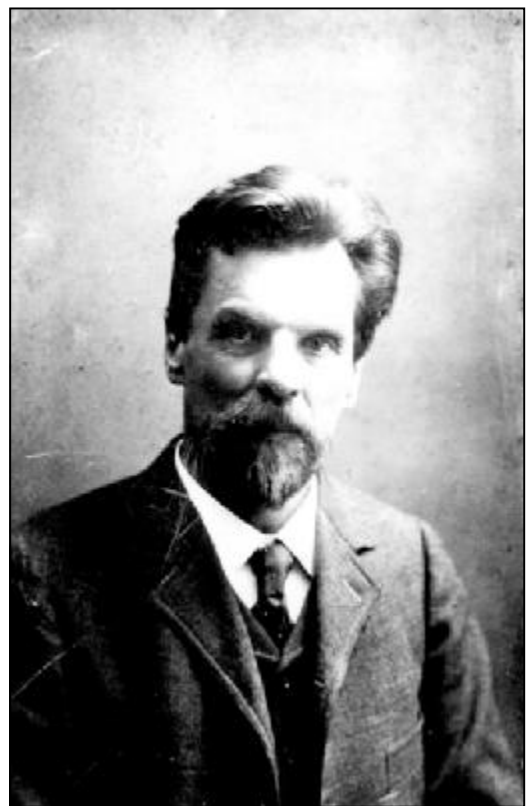
È. Ñ. À í è è è í à,
Í . Ò . È ä ä è í

«Ì î é дүдү ñaì ûõ ÷ãñòí ûõ ì ðàâèè...»
(Í ÷ãðè æèçí è è ääyòäèüí î ñòè À. Í . È í ðèóí î àà - ðí áí î áí äyàè Í . È. Ðãðèòà)

В 2008 году исполняется 95 лет со дня трагической кончины доктора медицины, профессора Александра Павловича Коркунова. Смерть профессора наступила 19 марта (по ст. ст.) 1913 года в результате сердечного приступа, который случился с ним во время выборов в Псковскую городскую думу: «когда был закончен подсчёт шаров, выяснивший его избрание гласным...» (1) Уроженец города Острова Псковской губернии, брат (по матери) Марии Васильевны Калашниковой (в замужестве Рерих) (2), Александр Павлович последние шесть лет своей жизни прожил в Пскове.

«Мой дядя самых честных правил», думается что так, без тени пушкинской иронии мог бы сказать о своём дядюшке, Александре Павловиче Коркунове, известный художник и мыслитель Николай Константинович Рерих. Имя «дяди Коркунова» не раз встречается в «Листах дневника» и письмах художника. Вспоминая о своём детстве, Николай Константинович пишет: «А вот и первое сочинение - песня: «Садат бадат огинись азад. Ом коську диют, тебе апку дудут». Дядя Коркунов за такое сочинительство подарил золотые папочные латы. Двух лет не было <...> Вот бы вспомнить что-нибудь самое первое! Самое раннее! Вспомнишь и то и другое, но всё это не самое первейшее». (3)

Аникина Ирина Семеновна - научный сотрудник музея-института семьи Рерихов (СПб);
Левин Натан Феликсович - псковский краевед

А. П. Коркунов

«Самым первейшим» событием в жизни Коленьки Рериха по праву можно назвать крещение его, случившееся через две с половиной недели после рождения. Таинство крещения совершилось 16 октября (по ст. ст.) 1874 года в храме во имя ап. Андрея Перво-

званного, что и сейчас стоит на углу 6-й линии и Большого проспекта Васильевского острова в Санкт-Петербурге. Восприемниками, то есть крѣстными, младенца стали его старшая сестра Лидия и его дядя, 18-летний «воспитаник 6-го класса Санкт-Петербургской Ларинской гимназии Александр Коркунов». (4) Много лет спустя Николай Константинович, вспоминая уже свои университетские годы, напишет: «Университет остался полезным эпизодом. Дома у нас бывали Менделеев, Советов, восточники Голстунский и Позднеев. Закладывался интерес к Востоку. А с другой стороны, через дядю Коркунова шли вести из медицинского мира. Звал меня в Сибирь, на Алтай. Слышались зовы к далям и вершинам - Белуха, Хан-Тенгри!» (5) Без сомнения, «дядя Коркунов» сыграл немалую роль в становлении будущих устремлений своего крестника. Подтверждение этому находим и в других строчках Рериха, посвящённых Александру Павловичу: «Мой покойный дядя, профессор Томского университета Коркунов, ещё в детстве моём звал меня постоянно на Алтай: «Лучше приезжай скорей, - писал он, - всё равно на Алтае побывать придётся». Действительно так!» (6)

Александр Павлович Коркунов прожил совсем недолгую, неполных 57 лет, но весьма плодотворную жизнь. После себя он оставил заметный вклад в области развития медицины и медицинского образования в России. Будучи по происхождению «из крестьян Псковской губернии», (7) Александр Павлович «сделал себя сам», став не только уважаемым профессором, доктором медицины, но и выслужив для себя и своих потомков дворянский титул. Не последнюю роль в его биографии сыграл и тот факт, что подростком Александр уехал из родного Острова в столицу. В Санкт-Петербурге он жил у своей замужней старшей сестры Марии Васильевны Рерих на Васильевском острове (ныне Университетская наб., 25). В 1877 году Александр успешно окончил Санкт-Петербургскую Ларинскую гимназию и подал прошение в Императорскую Военно-медицинскую академию, «желая поступить своекошным студентом... на медицинское отделение». (8) В 1882 году Александр Павлович с отличием закончил Военно-медицинскую академию и

получил степень лекаря.

Получив престижную профессию и стабильный заработок врача, Александр Павлович женился на дочери отставного капитана Елизавете Владимировне Клочковой. В 1883 году у Коркуновых родился старший сын Николай, который продолжил отцовскую карьеру военного врача. (9) В октябре 1884 года, после двух лет врачебной практики в клиниках профессоров В. А. Манассеина и Д. И. Кошлакова, Александр Павлович в стенах родной академии защитил докторскую диссертацию по теме «О влиянии различных условий на выделение белка при нефрите». (10) Следующие два года доктор медицины Коркунов совершенствуется за границей. В 1887 году по возвращении из заграничной командировки он избирается приват-доцентом

Обложка диссертации А. П. Коркунова

Военно-медицинской академии и служит врачом в Клиническом военном госпитале. И наконец, 23 апреля 1890 года Александр Павлович Коркунов Высочайшим приказом назначается «экстраординарным профессором Императорского Томского университе-

**Дом А. П. Коркунова, Губернская ул., Псков. (Ныне ул. Некрасова, 25).
На фасаде - год постройки 1883. Фото: декабрь, 2006**

та». (11) С этого времени начинается «сибирский период» в его жизни. В Томске у супругов Коркуновых родились сыновья Сергей (1896) и Виктор (1899), а вот имена ещё двух сыновей - Владимира (1888 г.р.) и Александра (1890 г.р.) в личном деле А. П. Коркунова оказались вычеркнутыми без указания причины (возможно, они умерли в раннем детстве). (12)

Приехав в Томск, Александр Павлович «с головой окунулся» в научно-преподавательскую и организационную деятельность в стенах первого крупного высшего учебного заведения за Уралом. Томский университет, который открылся в 1888 году первоначально в составе одного медицинского факультета, притянул учёных со всей России, которые искали в Сибири приложение своим силам. Кто-то приехал ради карьеры, кого-то привлекала романтика дальних мест и желание послужить Родине. А. П. Коркунов приехал в Томск вскоре после открытия университета и был назначен сначала экстраординарным профессором по кафедре специальной патологии и терапии, а через год - ординарным профессором по кафедре медицинской диагностики. (13) Главным же памятником Александру Павловичу в Томске стала Терапевтическая факультетская клиника, открывшаяся в ноябре 1892 года. Он

был не только её организатором и первым профессором, он был «душой» клиники. На открытии клиники профессор Коркунов произнёс речь, в которой говорил о бедственном положении больниц в Томской губернии, о том, что основное назначение клиники он видит «в обучении студентов мыслить, не бояться ставить диагноз, и наблюдать за течением болезни пациента до конца». (14)

К заслугам профессора Коркунова следует отнести и то обстоятельство, что менее чем через год после опубликования немецким физиком В. Рентгеном статей об открытии им X-лучей, для Томского университета за границей была приобретена соответствующая аппаратура и в 1896 году там был открыт первый в России рентгеновский кабинет. (15)

Лето 1900 года Александр Павлович провёл в Париже, где принял участие в XIII Международном Медицинском конгрессе. Кстати, в это же время в Париже в творческой командировке находился и Николай Константинович Рерих. Возможно, что дядя и племянник там встречались. В 1901 году профессор Коркунов представлял Томский университет на XI съезде естествоиспытателей и врачей в Санкт-Петербурге, а в следующем, 1902 году - на Пироговском съезде в Москве. Александр Павлович написал несколько научных работ

по медицине, опубликованных на русском и немецком языках. (16)

В ноябре 1906 года действительный статский советник, кавалер орденов св. Станислава, св. Анны и св. Владимира, доктор медицины, профессор Александр Павлович Коркунов за выслугою преподавательского стажа, а также по состоянию здоровья уходит в отставку. В июле 1907 года ему назначается пенсия и вместе с младшими сыновьями, Сергеем и Виктором, он уезжает на родину в Псковскую губернию. Жена же Александра Павловича, Елизавета Владимировна, по каким-то причинам не едет вместе с мужем. Из Томска она переезжает в Санкт-Петербург, где 8 апреля 1908 года умирает: об этом свидетельствует надпись на надгробии с крестом из чёрного мрамора. Могила Елизаветы Владимировны Коркуновой сохранилась до наших дней и находится на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга рядом с могилой Константина Фёдоровича и Марии Васильевны Рерихов. В столицу переезжает и старший сын Коркуновых - Николай. Для продолжения учёбы он с медицинского факультета Томского университета перевёлся на II курс Военно-медицинской академии. В 1910 году Николай Коркунов закончил Академию и «по удостоению звания лекаря должен... поступить на обязательную медицинскую службу в военное или морское ведомство». (17) Дальнейшая его судьба неизвестна.

Вернувшись на родную Псковщину, Александр Павлович местом своего жительства избрал не уездный Остров, где родился и где за ним числился дом (единственная имущественная ценность, вписанная в его Формулярный список), а губернский Псков. Первый псковский адрес профессора медицины Коркунова: Кахановский бульвар, дом Гельдта, кв. 3 (ныне Октябрьский пр., 38). (18) Осенью 1907 года два сына Александра Павловича, 11-летний Сергей и 8-летний Виктор, становятся воспитанниками Псковской мужской гимназии. Сам Александр Павлович с первых дней жизни в Пскове активно включается в общественно полезную жизнь города. Он становится заместителем председателя родительского комитета Псковской мужской гимназии, членом Общества псков-

ских врачей, членом правления псковского отделения Лиги борьбы с туберкулёзом, выступает с лекциями по медицине, устраиваемыми Обществом Народного Университета, ведёт частную практику и безвозмездное консультирование в лечебнице Алексеевской общины сестёр милосердия. (19)

В конце 1907 года, когда в Псков пришли сведения о том, что Министерство Народного Просвещения планирует ввести переводные экзамены в средних учебных заведениях, по инициативе А. П. Коркунова состоялось экстренное заседание Псковского общества врачей и была «образована Комиссия для представления в Министерство Народного Просвещения и рассылки во все родительские комитеты мотивированной записки о вреде экзаменов». (20) В Записке, в частности, отмечалось, что «новый проект об экзаменах, нервирова свою неопределённостью учеников в течение целого года, повысит процент заболеваний нервной системы», а также «сократится время каникул, необходимое для отдыха учащихся».

В начале 1909 года Александру Павловичу поступило предложение занять пост старшего врача в Алексеевской общине сестёр милосердия Красного Креста. Однако, он отказался от этой должности, так как Псковское «общество врачей не приняло его предложения объединить лечебницу общества с Общиной Красного Креста». (21) В сентябре следующего 1910 года, когда Псковское общество врачей осталось без председателя, на общем собрании на этот пост был избран профессор А. П. Коркунов. (22) Но и на этот раз Александр Павлович отказался от должности. Вероятно, причиной для отказа послужил тот факт, что Псковское общество врачей весной того же года опять-таки отклонило его предложение, поддержанное тогдашним председателем Общества Н. Ф. Плюшкиным: «о желательности объединения лечебных заведений Общества и Алексеевской общины». (23) На этих примерах мы видим, что «дядя Коркунов» был человеком принципиальным и бескомпромиссным в отстаивании своих взглядов и убеждений.

В июне 1911 года, проживая на даче Шведта в Торошино, Александр Павлович Коркунов подаёт объявление в псковские газеты о поиске в городе 7 - 8-комнатной

квартиры со всеми удобствами. (24) Вскоре у вдовы К. И. Гельтда, Альмы Густавовны, он приобретает двухэтажный особняк на Губернаторской улице (ныне ул. Некрасова, д. 25, см. фото). (25) Всего два года суждено было прожить профессору Коркунову в этом доме: 19 марта 1913 года он скончался от сердечного приступа. Похоронен Александр Павлович был на кладбище Ивановского женского монастыря, которое окончательно перестало существовать в начале 60-х годов XX века.

О дальнейшей судьбе среднего и младшего сыновей А. П. Коркунова известно очень немного. Средний - Сергей, в 1915 году закончил Псковскую мужскую гимназию вместе с такими известными впоследствии псковичами как Д. Зильбер, Н. Лепорский, О. Тульчев. (26) Потом он учился на естественном факультете Санкт-Петербургского университета. Погиб в Великую Отечественную войну.

Младший сын Александра Павловича, Виктор, тоже закончил Псковскую мужскую гимназию. В апреле 1918 года «сын потомственного дворянина» вместе с отличным аттестатом, в котором была лишь одна оценка «4», получил и серебряную медаль. В конце атте-

стага имелась запись о том, что Виктор Коркунов «намерен поступать в Горный институт». (27) Из объявлений, помещённых псковскими газетами за 1918 год, видно, что в это трудное и голодное время младший Коркунов вынужден был продать «золотые докторские часы с отдельной секундной стрелкой» и мебель из отцовской квартиры. (28) А ещё какое-то время Виктор зарабатывал себе «на жизнь» тем, что «неизменно сопровождал» солистам на концертах и даже «выступал соло». (29) В дальнейшем, Виктор Александрович уехал из Пскова, но, как сложилась его судьба, нам неизвестно. В конце 70-х годов XX века в Ленинграде к псковскому краеведу Н. Ф. Левину попала фотография профессора А. П. Коркунова, сделанная в Пскове в начале XX века. Её передала (через свою подругу) жена уже покойного в то время Виктора Александровича Коркунова, Надежда Альфонсовна. Эту фотографию Александра Павловича мы и публикуем сегодня.

Авторы посвящают свою статью светлой памяти талантливого врача и организатора, неравнодушного и целеустремлённого человека, нашего земляка - Александра Павловича Коркунова, а также всем тем, кто был дорог и мил его сердцу.

Примечания

1. Псковская жизнь. 1913. №710. 21 марта. С. 2.
2. Аникина И.С. Островская мещанка Калашникова-Рерих // Псков. 2005. № 23. С. 188 - 198.
3. Рерих Н.К. Самое первое // Зажигайте сердца! Сборник. М. 1978. С. 28 - 29.
4. РГИА. Ф. 789. Оп. 12. Д. И - 45.
5. Рерих Н.К. Университет // Зажигайте сердца! Сборник. М. 1978. С. 35.
6. Ларичев В.Е., Маточкин Е.П. Рерих и Сибирь. Новосибирск. 1993. С. 3.
7. отец его, Павел Евстафьевич Коркунов, числился крестьянином государственных имуществ Туровской волости Островского уезда. ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 4481. Л. 635.
8. ЦГВИА. Ф. 316. Оп. 68. Д. 101. Л. 5.
9. ЦГВИА. Ф. 316. Оп. 68. Д. 883. Л. 12.
10. Коркунов А.П. О влиянии различных условий на выделение белка при нефрите // Диссертация на степень доктора медицины А.П.Коркунова. СПб. 1884. 65 с.
11. ЦГВИА. Ф. 316. Оп. 68. Д. 883. Л. 3.
12. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 987.
13. Профессора Томского университета. Биографический словарь под ред. С.Ф.Фоминых. Вып.1. 1888 - 1917. Томск. 1996. С. 122.
14. Коркунов А.П. Речь при открытии клиник Императорского Томского университета // Известия Томского университета. 1893. Кн. 5.
15. Профессора Томского университета. Биографический словарь под ред. С.Ф.Фоминых. Вып.1. 1888 - 1917. Томск. 1996. С. 123.
16. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб. 1895. Т.31. С.263).
17. ЦГВИА. Ф. 316. Оп. 68. Д. 883. Л. 12.
18. Псковский голос. 1908. № 78. 3 октября. С. 3
19. Псковская жизнь. 1907. № 4. 13 декабря. С. 2; 1909. № 232. 5 декабря. С. 2; 1910. № 291. 6 мая. С. 3; 1912. № 574. 15 апреля. С.2.

20. Псковская жизнь. 1907. № 1. 2 декабря. С. 2; 1907. № 6. 20 декабря. С. 3
21. Псковский голос. 1909. № 7. 23 января. С. 2.
22. Псковский голос. 1910. № 76. 24 сентября. С. 2; Псковская жизнь. 1910. № 344. 14 сентября. С. 3
23. Псковская жизнь. 1910. № 373. 23 ноября. С. 2.
24. Псковский голос. 1911. № 58. 24 июня. С. 3; Псковская жизнь. 1911. № 454. 18 июня. С. 4.
25. Из истории псковских немцев: [Сборник статей]. - Псков, 2007. С.17.
26. Псковская жизнь. 1915. № 1017. 2 мая. С. 2
27. ГАПО. Ф.8. Оп. 1. Д. 137. Л. 20-20а.
28. Псковский вестник. 1918. № 38. 25 мая. С. 4; № 42. 30 мая. С. 4.
29. Псковский вестник. 1918. № 74. 9 июля. С. 3.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Перечень публикаций А. П. Коркунова на русском языке

(источники: генеральный каталог Российской Национальной библиотеки;
Профессора Томского университета. Биограф. словарь под ред. С.Ф.Фоминых. Вып.1. 1888 - 1917.
Томск. 1996. С. 123;
Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб. 1895. Т.31. С.263).

Коркунов А.П. О влиянии различных условий на выделение белка при нефрите // Диссертация на степень доктора медицины А.П.Коркунова. СПб. 1884. 65 с.

Кондратьев М.П. Минералогия // Записки, изданные по лекциям профессора медико-хирургической академии М.П. Кондратьева студентами В. Соколовым и А. Коркуновым. Составитель Коркунов А.П. СПб. 1879. 86 с.

Коркунов А.П. Об образовании чахоточных язв в гортани и об участии бугорчатых папочек в этом процессе. 1887.

Коркунов А.П., Курлов М.Г. Упрощённый азотометрический способ определения мочевины и азота. *(Благодаря этой работе чрезвычайно облегчилась возможность исследования азотистого обмена у человека, что дало возможность появлению целого ряда диссертаций по этому важному вопросу).*

Коркунов А.П. Результаты лечения бугорчатки вдыханиями горячего воздуха по способу Weigert'a.

Коркунов А.П. Речь при открытии клиник Императорского Томского университета // Известия Томского университета. 1893. Кн. 5.

Коркунов А.П. Распознавание и лечение чумы // Известия Томского университета. 1897. Кн. 12.

Т т ді адсї дї ѹа в Т нѣтвнѣт е гóááđí èè в êîí öå XIX - í а÷аèа XX вв.

ОДНОЙ из форм наказания тех, кто пытался поколебать устои господствующей в дореволюционной России системы или проявлял инакомыслие, являлась высылка «неблагонадежных» из столичных и университетских городов в провинцию под гласный или негласный надзор полиции. В конце XIX - начале XX вв. местом такой высылки, особенно из Петербурга, служила и Псковская губерния. В фонде Канцелярии Псковского губернатора ГАПО (ф.20) хранятся сотни дел о высылке «опасных преступников» - представителей самых разных сословий. Расскажем лишь о некоторых «борцах за свободу и справедливость».

В 1876 г. к дознанию по обвинению в хранении запрещенной литературы был привлечен Леонид Петрович Ардамацкий, сын почетного гражданина г. Порхова. После трехмесячного заключения в петербургской тюрьме за принадлежность к народнической организации он был выслан в Порхов, а через год по решению суда отправлен в Архангельскую губернию, где проживал до 1883 г. После этого он вернулся в Порхов и здесь под гласным надзором находился еще в течение двух лет, затем от политической деятельности отошел и стал продолжать дело своего отца. В 1925 г. он вместе с семьей был выслан из Порхова уже Советской властью.¹

2 октября 1878 г. бессрочный гласный надзор был установлен еще за одним порховичом - Василием Николаевичем Богдановым, учителем, сыном порховского мещанина. При этом он был уволен из школы, и семья оказалась без всяких средств к существованию.²

С апреля 1877 г. в качестве управляю-

Маркова Маргарита Тимофеевна - кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и музееведения Псковского госпедуниверситета им. С. М. Кирова

щего именем сенатора Мордвинова находился в «бессрочной ссылке за политические преступления» (после 8-летней каторги) уроженец Ковенской губернии дворянин Франц Шишкевич. Под надзором полиции проживал в с. Залестовье Новоржевского уезда дворянин Станислав Войшвилло, дочь дьякона Анна Рождественская в сентябре 1872 г. «за распространение коммунистических идей» была отправлена под надзор полиции в г. Холм, дворянин Михаил Васильевич Борисов «за государственные преступления» в сентябре 1877 г. - в Торопец.³

Известный революционер-народник Петр Никитич Ткачев, псковский дворянин, закончивший экстерном Петербургский университет и ставший кандидатом права, за принадлежность к кружку Н. А. Ишутина и «Рублевому обществу» Г. А. Лопатина был арестован, отбыл четырехлетнее тюремное заключение и 31 декабря 1872 г. направлен с женой в бессрочную ссылку в родной Великолукский уезд. Но через шесть лет, в 1878 г. из ссылки «самовольно скрылся», а позднее эмигрировал.⁴

20 сентября 1878 г. из Петербурга прибыл в Холм личный почетный гражданин Григорий Александрович Виноградский, обвиненный «в произношении непристойных выражений, относящихся к Священной особе Государя Императора»;⁵ в том же году под гласный надзор в Псков был направлен «за антиправительственную пропаганду» дворянин Андрей Андреевич Пыпин, поселившийся вместе с женой и дочерью в доме Касперского. Приехав в Псков, он первоначально не имел средств к существованию и жил только на выплачиваемые казной суточные (по 75 коп. на взрослого члена семьи и 7,5 коп. на ребенка) и квартирные в размере 1 руб.50 коп. (за квартиру приходилось платить 7 руб.). Правда, че-

рез год материальное положение семьи стало значительно лучшим: Пыпин был принят на службу в губернскую земскую управу с годовым жалованьем 500 руб. Проживал он в Пскове до 1883 г.⁶ В течение пяти лет (1899 - 1904) в Пскове находился под гласным надзором полиции прибывший из трехлетней вологодской ссылки Александр Андреевич Николаев. При этом он сумел в 1902 г. сдать экстерном за курс университета и получить диплом кандидата математических наук. Его семья (жена и две дочери) постоянно проживала в д. Лисьи Горки близ Пскова, куда разрешалось приезжать на лето и поднадзорному.⁷ Из вологодской ссылки прибыл в 1901 г. под надзор полиции в Псков и сын статского советника Владимир Николаевич Лебедев, о поведении которого дважды в год докладывали губернатору.⁸ Несколько раньше, в апреле 1900 г., приехала под надзор полиции в Псков освобожденная из-под стражи дочь священника Мария Петровна Иваницкая. Поселилась она в доме Знаменской на Губернаторской улице, но вскоре вместе с другими поднадзорными - Глухновским и Ноздриным - уехала самовольно в Петербург.⁹

Как «государственный преступник, принадлежащий к тайному обществу и воспроизводящий преступные воззвания», был направлен в апреле 1900 г. в Псков отставной губернский секретарь Федор Владимирович Девель, вскоре взятый здесь под стражу и отправленный на три года в вятскую ссылку.¹⁰ Дочь надворного советника дворянка Мария Викентьевна Смидович в 1898 г. приехала из Тулы для работы в качестве фельдшера Ново-ржевской земской больницы, в 1900 г. за ней был установлен гласный надзор сроком на два года, по окончании которого она получила с разрешения самого губернатора Б. А. Васильчикова заграничный паспорт «для завершения медицинского образования».¹¹

11 февраля 1900 г. под гласный надзор полиции прибыл петербургский студент, сын псковского купца Николай Николаевич Лохов. По состоянию здоровья он получил возможность выехать на лечение в г. Саки Евпаторийского уезда Таврической губернии, но вместо этого в ноябре 1904 г. получил предписание отправиться на четыре года в ссылку в Астраханскую губернию. По при-

чине болезни («нервное расстройство и энфлюэнция») он просил задержаться в Пскове и уехал отсюда только 4 января 1901 г., но не в Астрахань, а к брату в Кенигсберг.¹²

В 1901 г. под негласный надзор попал преподаватель кадетского корпуса Ян Янович Каулин, но 17 февраля того же года полицмейстер доложил губернатору, что поднадзорный находится в клинике Юрьевского университета у профессора Фрея.¹³

Серьезные последствия для Псковской губернии имела массовая демонстрация, состоявшаяся 4 марта 1900 г. на Казанской площади столицы: после нее под надзор полиции были высланы из Петербурга сразу несколько человек. Так, под особый надзор полиции в Псков была направлена слушательница женских медицинских курсов, дочь елецкого мещанина Екатерина Николаевна Сорокина. В июне 1901 г. она ходатайствовала о разрешении выехать на лечение в Тифлис, но из-за отсутствия средств поездки не состоялась. Тогда в августе того же года последовало ее прошение о выезде из Пскова для продолжения учебы, и Особое совещание, учтя ходатайство псковского губернатора, отметившего «безупречное поведение Сорокиной», разрешило ей в октябре 1901 г. выехать в Петербург.¹⁴ За участие в той же демонстрации в Псков был выслан студент университета Георгий Владимирович Паскевич, поселившийся в доме Гельдта на Сергиевской улице. Находился он здесь на весьма привилегированном положении: лето он провел, например, в Черехе вместе с приехавшими туда родителями, а в марте 1902 г. ввиду того, что «ни в чем подозрительном замечен не был», он выбыл для продолжения учебы в столицу.¹⁵ На два года под надзор полиции был направлен в марте 1901 г. в Псков участник демонстрации дворянин Георгий Петрович Воско. Как и Паскевичу, ему здесь жилось весьма неплохо: он выезжал по специальному разрешению на месячные военные сборы в Красное Село, дважды получал отпуск для свидания в Петербурге с родителями, но 20 ноября 1901 г. его перевели под негласный надзор в Самару.¹⁶ Под надзор полиции в Псковскую губернию были высланы еще несколько участников петербургской демонстрации. Жительница Митавы

Беата Германовна Ланг проживала в д. Паневик Псковского уезда и в мае 1902 г. уехала в Подмоскowie, дочь великолукского купца Александра Михайловна Овчинникова в течение двух лет жила в доме Гельдта в Пскове, а в 1903 г. получила разрешение переехать к родителям в Великие Луки, дочь опочецкого врача Ольга Ниловна Ладыгина находилась по просьбе отца под надзором в Опочке и в апреле 1902 г. уехала для продолжения учебы в Петербург.¹⁷

Особенно много высылков под надзор полиции в Псковскую губернию приходится на 1903 - 1904 гг. Среди занесенных в «Ведомости о лицах, состоящих под гласным надзором» за эти годы значатся А. М. Языков, надворный советник Рябков, дочь петербургского коллежского советника Н. И. Игнатович, сын священника ветеринарный врач В. М. Сидоров, бывшие студенты А. К. Евдокимов и А. С. Токарев, под негласным надзором состояли жена агронома О. Н. Бутковская, потомственный почетный гражданин Н. Ф. Лопатин, обер-офицерский сын Н. Л. Сергиевский, дворянский сын М. Н. Мягков, дочь чиновника Е. А. Евстафеева, врач А. А. Скелтер, коллежский советник И. О. Яблонский и др. - главным образом за «хранение и распространение преступных сочинений» и ведение «противоправной пропаганды и агитации».¹⁸

«Преступными сочинениями» признавались, например, распространявшиеся в годы русско-японской войны среди крестьян брошюры «Для чего должен русский солдат умирать?» и «Что такое рабочая партия», которые по причине почти поголовной неграмотности крестьяне не читали, а просто сдавали полиции. Представители интеллигенции получали некоторые издания из-за границы, как и письма, в содержании которых при вскрытии полиция тоже находила «крамолу». Вели активную переписку с заграницей Гольдберг, Жданко, Н. Спитс, Н. Кисляков, М. Калитин, И. Соколовский, Заливако и др., в доме великолукского мещанина Объедова были обнаружены телеграмма из Парижа и брошюра «Свисток», которые полиция изъяла, а за сыновьями Объедова установила негласный надзор.¹⁹

В годы революции 1905 - 1907 гг. все больше «подозрительных» арестовывались,

подвергались тюремному заключению, а затем высылались за пределы Псковской губернии. Так, осенью 1905 г. в новоржевском имении Львова был арестован «за пропаганду среди крестьян» учитель земской школы Федор Павлов, заключенный в псковскую тюрьму. Несмотря на просьбу матери об освобождении сына ввиду того, что он являлся единственным в семье кормильцем, Павлов в январе 1906 г. был выслан в Тобольскую губернию.²⁰ В декабре 1905 г. в Опочком уезде была арестована учительница земской школы Анна Николаевна Вячеславова, которая некоторое время находилась в тюрьме (в одиночной, а затем в общей камере), побывала в ссылке в Архангельской губернии, а затем была переведена под надзор в Псковскую губернию. Но 3 июля 1906 г. ее этапом отправили на четыре года в Томскую губернию.²¹ В декабре 1905 г. в Пскове были арестованы уже упоминавшиеся поднадзорные А. А. Николаев, В. М. Сидоров, Н. Л. Сергиевский, а также помощник секретаря акцизного управления А. А. Заборовский, учитель Модест Васильевич Брадис, учащийся сельскохозяйственного училища Николай Евлампьевич Любомудров, потомственный почетный гражданин Василий Васильевич Суворов, врач Нина Александровна Молякко-Высоцкая. Последнюю обвиняли в том, что она посещала сходки рабочих деревообрабатывающего завода, призвала к бойкоту выборов в Государственную думу, во время демонстрации в связи с похоронами Н. Ф. Лопатина кричала «Долой Николашку!» и махала красным платком, посещала собрания молодежи и студентов, раздавала прокламации, являлась казначеем при сборе средств на издание «Крестьянской газеты». В защиту Молякко-Высоцкой и В. М. Сидорова выступило Общество псковских врачей, обратившееся в газету «Русский врач» и в бюро Всероссийского Союза медицинского персонала, доказывая, что арестом нарушены положения Манифеста 17 октября. Все арестованные были уволены со службы, а губернатор ходатайствовал перед Департаментом полиции о высылке их из пределов Псковской губернии. Судьбу арестованных решила в марте 1906 г. выездная сессия Петербургской судебной палаты: Н. А. Молякко-Высоцкая была освобождена под

залог в 5000 руб., В. М. Сидорова в сопровождении жандарма отправили в столицу, В. В. Суворова отдали под гласный надзор полиции. Однако в течение апреля-мая 1906 г. все арестованные были освобождены.²²

В марте 1907 г. массовые аресты были произведены в Острове: были арестованы сразу 27 человек, собиравшиеся в доме мещанина Александра Якума - С. Петров, В. Колиберский, Е. Филиппова, Х. Рубина и др., обнаружена нелегальная литература. В. Колиберский направил телеграмму в адрес депутата Государственной думы Н. Н. Рокотова о том, что якобы «незаконное» собрание было посвящено выборам в Думу, после чего все арестованные были освобождены.²³

Продолжались аресты и в первые годы после революции 1905 - 1907 гг. Так, в январе 1908 г. была арестована учительница Городокской земской школы Порховского уезда Зинаида Федосеевна Ефимова - «за пропаганду среди крестьян о необходимости поделить земли помещиков», в марте высланная под надзор полиции в Старую Руссу. Однако через год она вернулась в Порховский уезд.²⁴ В

августе 1909 г. под гласный надзор в Псков на два года был выслан проживавший в Твери агроном Михаил Владимирович Девель («за революционную агитацию»). Этот уже немолодой человек (69 лет) по предложению земства занялся исследованием кустарных промыслов Псковской губернии, но губернатор эти занятия запретил. В одном из отчетов за 1911 г. отмечалось, что М. В. Девель «поведения хорошего, ведет замкнутую уединенную жизнь», после чего надзор был снят, но Девель с семьей остался проживать в Пскове.²⁵

Приведенные примеры позволяют представить формы проявления «инакомыслия» и даже сопротивления существующему строю представителей различных сословий, прежде всего интеллигенции и студенчества, а также борьбу системы с «бунтарями». Сопротивление власти всегда было характерным для интеллигенции, а в конце XIX - начале XX вв. оно было неотъемлемой чертой общественного сознания, когда передовая часть общества пыталась найти решение назревших проблем развития страны.

Примечания

¹ ГАПО. Ф.20, оп.1, д.2275,2276; ф.203, оп.1, д.139

² Там же. Д.2275, лл.145,221

³ Там же. Лл.68,130,175,180

⁴ Там же. Л.207; Псковский биографический словарь. Псков.2002. С.450

⁵ ГАПО. Ф.20, оп.1, д.2277, л.63

⁶ Там же. Д.2287, лл.7,12,16,20,23

⁷ Там же. Д.2614, лл.6,14,29

⁸ Там же. Оп.4, д.27, лл.6-8

⁹ Там же. Д.20, лл.1-4

¹⁰ Там же. Д.18, лл.1-10

¹¹ Там же. Д.19, лл.4-54

¹² Там же. Д.17, лл.1-21

¹³ Там же. Д.28, лл.1-3

¹⁴ Там же. Оп.1, д.2684, лл.1-18

¹⁵ Там же. Д.2658, лл.5-15

¹⁶ Там же. Д.2659, лл.7-17

¹⁷ Там же. Д.2661,2662,2663

¹⁸ Там же. Д.2703

¹⁹ Там же. Оп.4, д.62, лл.9,16,35

²⁰ Там же. Оп.1, д.2751, лл.29,51,54

²¹ Там же. Д.2770, лл.12-17

²² Там же. Д.2753, лл.1,2,150,153,155,162

²³ Там же. Д.2799, лл.1-13

²⁴ Там же. Д.2822, лл.1-11

²⁵ Там же. Оп.4, д.189, лл.1-17

Нѣи үү Ёеѣі еі ûō Г а Г њѣі вѣѣі е çаі ёа

ВНАЧАЛЕ апреля 2008 года псковичи торжественно отметили столетие со дня рождения выдающегося учёного-физика, дважды Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственных премий, академика Исаака Кушелевича Кикоина, бюст которого 20 лет стоит в нашем городе. Четверть века, с 1916 года, Кикоины жили на Псковской земле. Подробный рассказ о жизни этой семьи на Псковщине был впервые подготовлен к этим юбилейным дням.

А Г і аѠб Аааі ðаō

Исаак Кушелевич Кикоин (отчество которого по-русски чаще произносилось - Константинович) родился 15 (28) марта 1908 года в местечке Жагоры Шавельского уезда Ковенской губернии. Ковно после революции переименовали в Каунас, Шавли - в Шяуляй, а местечко Жагоры стало городом Жагаре Ионишкского района Литвы. Дореволюционные энциклопедии отметили в Шавельском уезде два местечка Жагоры: Новые и Старые. Новые Жагоры располагались в 46 верстах от уездного города, имели в 1902 году 8026 жителей, католическую церковь, синагогу и богадельню, а Старые Жагоры с 2527 жителями находились в 50 верстах от Шавлей, имели католическую и лютеранскую церкви, синагогу... (1) Исаак Кушелевич позднее рассказывал повзрослевшим дочерям, что Кикоины жили в Новых Жагорах.

На картах советского времени, на самом севере Литвы, рядом с латвийской границей обозначен один город Жагаре, располагающийся на обоих берегах речки Швете (притока Луелупе), в 27 км северо-западнее районного города и станции Ионишкис, находящейся на железнодорожной линии Рига - Шяуляй.

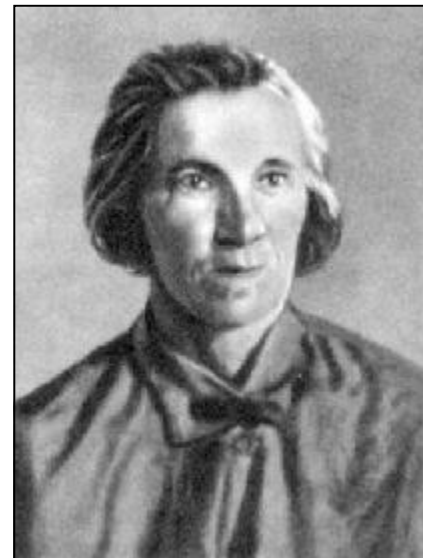
В Жагорах у Кушеля Исааковича и Буни Израилевны родились четверо детей: Ревекка

*Левин Натан Феликсович - псковский краевед,
Почетный гражданин г. Пскова*

(1904), Елена, ставшая по паспорту Елизаветой (1906), Исаак (1908) и Абрам (1914). Их отец заведовал там казённой школой и преподавал математику. Педагогом он был с 1899 года. Дочь Елена в сборнике, посвящённом

Отец - Кикоин Константин Исаакович

Мать - Кикоин Буня Израилевна

её знаменитому брату Исааку (2), подчёркивала: «Отец наш был очень образованным человеком, владевшим немецким, французским, греческим и латинским языками. Как многие педагоги того времени, помимо школы, давал и частные уроки, чтобы обеспечить семью. Мать окончила прогимназию, знала хорошо немецкий и латинский языки. Как большинство замужних женщин, она не работала и всё своё время отдавала семье - мужу и детям. Сколько сказок и песен мы слышали от неё! Она же учила нас грамоте: читать и писать мы, девочки, научились дома к 5 годам. А Исаак, находясь рядом с нами, к трём годам научился читать и выучил таблицу умножения. Отец и мать всячески его экзаменовали. Библиотека (а она у нас была прекрасной) с детства стала его любимым местом пребывания».

Не раз вспоминал об этих ранних домашних занятиях и сам Исаак Кикоин: «От отца ежедневно получал задания, за выполнение которых должен был давать ему отчёт. Отец задавал мне и тексты, которые я должен был отвечать ему наизусть. Теперь я понимаю, что эти устные задания способствовали формированию у меня хорошей памяти, которую я сохранил на всю жизнь». (3) Ниже мы убедимся, что память у него была не просто хорошая, а феноменальная!

Í à Ĩ ñĕĭ ãñĕĭ é çãĭ ěã

Во время Первой мировой войны, при подходе немецких войск, в августе 1915 года из Жагор вывезли казённых служащих. Семилетний Исаак впервые ехал по железной дороге. Семья оказалась в Люцине Витебской губернии (современный город Лудза в Латвии). В следующем году там родилась дочь Люба - пятый, последний ребёнок Кикоиных, и они переехали в Опочку - один из восьми уездных городов дореволюционной Псковской губернии. Отец стал преподавать в Опочечком реальном училище математику и латинский язык. Туда же, успешно сдав вступительные экзамены, пошёл учиться маленький Исаак. Как вспо-

минала сестра Елена, «с физикой в реальном училище ему повезло; там был прекрасный учитель физики Николай Анисимович Кудрявцев - директор училища». К тому же «отец по-прежнему продолжал заниматься со старшим сыном математикой и физикой, считая, что школа не даёт тех знаний, которые Исаак может усвоить уже в этом возрасте». (4)

Из-за таких усиленных занятий и благодаря способностям Исааку стало скучно сидеть на уроках. Поэтому в третьем классе он заодно самостоятельно занимался и по программе четвёртого, сдал за два класса и перешёл в пятый. Там он повторил удавшийся опыт и опять экстерном сдал экзамены и за шестой класс. К тому времени, после революции, реальное училище, как и Опочечская женская гимназия, где учились обе старшие девочки, стали советскими школами.

В наши дни в здании бывшего реального училища размещается Опочечская средняя школа № 1. Абрам Кикоин, младший брат Исаака, в письме ко мне из Свердловска от

Бывшее Опочечкое реальное училище

6 августа 1990 года сообщил: «Жили мы в Опочке на Киевском шоссе, в крайнем доме города, сразу за которым начинались поля. Рядом с домом была чья-то кузница, в которой я любил смотреть на работу кузнеца, а с другой стороны домов уже не было».

Из-за нехватки учителей в деревнях Кушеля Исааковича в 1918 году послали преподавать за 20 км от города в волостное село

Матюшкино Опочецкого уезда, где ещё до революции находилась крупная второклассная учительская школа. Её здание сохранилось до наших дней. Семья осталась в Опочке. Там трое старших детей продолжали учёбу и одновременно старались в эти голодные годы помогать родителям. Исаак в 11 лет принял на себя частные уроки отца, а летом вместе с двумя сёстрами ходил в лес, часто по два раза в день: утром на рассвете за грибами, а после обеда - по ягоды. *«Так что брат заядлым грибником стал в детстве и сохранил эту привязанность на всю жизнь»*. Это подтвердил друг, коллега и сосед по даче академик Арцимович, пожелав Исааку Кикоину на 60-летию: *«подольше копаться в Жуковке вокруг пруда, искать там грибы и водить туда своих внуков»*. (5)

В Матюшкине у отца бывала только дочь Елена. Затем его перевели в старинное опочекское село Велье, в котором до революции тоже было двухклассное училище. По деревенской традиции сельские жители старались помогать нуждающимся учителям. Узнав о том, какую большую семью содержит новый учитель их детей, крестьяне стали приносить ему продукты. И вдруг 1 апреля 1921 года газета «Псковский набат» в рубрике «Что нам пишут» напечатала небольшую заметку под названием «Вот так утробушка!». В ней утверждалось, что учитель велейской школы II ступени Кикоин обязал учеников еженедельно доставлять ему картошку, муку, крупу, молоко, и предлагалось: *«По ишее таких преподавателей»*. Сообщение о принятых мерах в газете не появилось. По мнению профессора А. В. Филимонова, причиной выезда Кикоина из Велья стало проводимое тогда преобразование местной школы II ступени в начальную с соответствующим сокращением штатов.

À ĩ ñêĭ ââ

В том же 1921 году семья переехала в губернский Псков, где Кикоину предоставили место учителя в 1-й школе II ступени (бывшей мужской гимназии). Там же два последних учебных года заканчивал своё среднее образование старший сын Исаак. Впоследствии он вспоминал, что в этой школе создались исключительно благоприятные условия для углублённого изучения любимых им предме-

тов - математики и физики. *«Математику у нас преподавал первоклассный педагог Дмитрий Михайлович Ляпунов, которому я очень благодарен за полученные от него знания. Очень мне повезло и с физикой. Мне доверили заведовать физическим кабинетом школы и вместе с моим товарищем по школе - заведовать школьной библиотекой (и то и другое было моей общественной работой)... Физический кабинет был превосходно оснащён приборами, и я имел возможность производить множество экспериментов. Правда, многие приборы нуждались в ремонте, и я обогатился опытом изготовления нужных для этого деталей»*.

Школьная библиотека была на редкость богата, в ней содержалось несколько десятков тысяч томов. Много там было книг по физике и математике... Почти каждый день я с удовольствием проводил время за занятиями в библиотеке и физическом кабинете с утра до позднего вечера. В результате я приобрёл довольно основательные познания по обеим дисциплинам, значительно более обширные, чем требовалось школьной программой. Это позволило мне заниматься подготовкой выпускников нашей и других школ к вступительным экзаменам по математике и физике в высшие учебные заведения. Эти занятия неожиданно оказались весьма успешными, и я приобрёл популярность как хороший учитель». (6). (О том, что репетиторство служило существенным вкладом в скромный бюджет семьи, Исаак Кикоин умолчал).

Школу он окончил в 1923 году, 15-летним юношей. Уже тогда, прочтя в газете статью выдающегося физика, академика А. Ф. Иоффе об основанном им физико-механическом факультете при Петроградском политехническом институте, Исаак твёрдо решил поступать только туда.

В те годы направление на учёбу производилось через профессиональные союзы. После окончания школы, 13 июня 1923 года, Исаак Кикоин заполнил типографский бланк «Опросного листа для вновь поступающих в высшие учебные заведения и рабфаки», сохранившегося в архивных делах Псковского губернского отдела профсоюза работников просвещения и социалистической культуры

(7). На вопрос о том, чем объясняется желание поступить в вуз, он ответил так: *«Имею целью усовершенствование в области физики и математики, а также специализироваться в механике».*

Однако в вузы принимали лишь с 17 лет. Чтобы не терять время и получить хорошую, перспективную специальность, по совету и настоянию отца Исаак согласился пойти учиться в Псковский землеустроительный техникум. На заседании Президиума того же профсоюза 16 ноября 1923 года слушали *«Заявление Кикоина о командировании сына в землеустроительный техникум»* и постановили *«командировать»* (8).

Это учебное заведение было создано на базе прежнего землемерного училища, сохранило высокий уровень образования и даже дореволюционного директора - межевого инженера Евгения Васильевича Семёнова. От обширного здания училища и техникума по улице Гоголя, дом 7 сохранился лишь дворовой флигель, служивший общежитием и квартирами директора и инспектора.

Исаак много раз с благодарностью вспоминал Александра Васильевича Пирожкова, читавшего в техникуме основной курс элементарной математики повышенной сложности. А преподаватели сразу обратили внимание на способного, знающего студента, имевшего поразительную память. Он без особого напряжения дословно запомнил все 236 статей Земельного кодекса. Преподавателю геодезии Л. А. Казимирскому осенью 1924 года было поручено изготовление топографической карты пограничного Пскова. На эту

срочную, секретную и хорошо оплачиваемую работу он привлёк и Исаака Кикоина.

Во время практики и летом он работал землемером и позднее со смехом рассказывал, как однажды по приезде в деревню для него накрыли стол, но водку он не стал пить. Тогда наутро ему в помощники дали только девок. Заглянув в теодолит, они увидели всё в перевёрнутом виде и стали ходить по полям, поджимая юбки. А он задал им такой темп, что они скоро употели и убежали. Замеры Исаак сделал очень точно, и мужики после проверки его зауважали. Хорошие знания геодезии и картографии пригодились и позднее: в 1930 и 1931 годах его приглашали в геологическую комплексную экспедицию академика А. Е. Ферсмана на Кольский полуостров в качестве начальника отряда физических методов разведки.

Трёхлетний курс Псковского землеустроительного техникума Исаак окончил дострочно, в 1925 году. Тогда по указанию Наркомпроса в губернских городах были созданы приёмные комиссии для сдачи экзаменов в столичные вузы. Для Псковской губернии на интересующий его факультет имелись лишь две вакансии, а желающих оказалось много. Он сдал экзамены лучше других. Однако в институте не признали аттестат об окончании техникума, как отпечатанный на пишущей машинке, а не в типографии. Исааку, приехавшему в последний день работы институтской приёмной комиссии, пришлось заново, за несколько часов, сдать все пять вступительных экзаменов.

Чтобы рассказать о дальнейшей деятельности и заслугах Исаака Кикоина перед наукой и страной, приведём официальный текст партийно-правительственного некролога, опубликованного в центральной «Правде» 31 декабря 1984 года. Под некрологом стояли 47 подписей, включая К. У. Черненко, М. С. Горбачёва и остальных членов Политбюро ЦК КПСС, руководителей Академии наук СССР, многих его коллег-учёных.

«Будучи ещё студентом Ленинградского политехнического института, он

Кикоин И. К.

начал работать в ленинградском Физико-техническом институте, в стенах которого открылись его способности блестящего экспериментатора.

В 1933 году И. К. Кикоин открыл новое явление - фотомагнитный эффект в полупроводниках, который получил его имя. С этого времени физика твёрдого тела постоянно оставалась в центре его научных интересов.

И. К. Кикоин был среди первых физиков, которые начали в 1943 году вместе с И. В. Курчатовым работу по развитию атомной науки и техники. Он принимал активное участие в создании Института атомной энергии имени И. В. Курчатова, где работал до конца своей жизни. В этот период ярко проявился его талант учёного, инженера и руководителя больших коллективов.

Огромное внимание уделял И. К. Кикоин воспитанию молодого поколения. Его лекции в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова и других вузах страны явились школой для многих поколений физиков. Много сил отдавал И. К. Кикоин физическому образованию в школе. Им написан ряд учебников, редактировался

журнал «Квант», он был председателем оргкомитета всесоюзных школьных олимпиад по физике.

За выдающиеся заслуги перед Родиной И. К. Кикоин был дважды удостоен звания Героя Социалистического Труда, награждён семью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции и многими другими орденами и медалями. Ему были присуждены Ленинская и шесть Государственных премий СССР, высшая награда Академии наук СССР - Золотая медаль имени М. В. Ломоносова, а также медали имени И. В. Курчатова и П. Н. Лебедева».

Ёёёі ёі һёёà ì àñòà Ї һёі àà

В Пскове первые восемь лет Кикоины снимали часть небольшого деревянного, обшитого досками дома № 9 по Успенской, переименованной вскоре, в 1923 году, в улицу Калинина. Почти рядом, в доме № 5 по Успенской улице, находилось угловое трёхэтажное каменное здание 1-й школы. Между ними располагался детский дом имени наркома социального обеспечения А. Н. Винокурова. Домовладения №№ 7 и 9 исчезли во время последней войны, и сейчас это место занимает школьная спортивная площадка.

Псков, ул. Калинина, 9

Дети, а вместе с ними и расходы на содержание семьи росли. С 1925 года отцу в течение трёх лет пришлось провести в разъездах по стране. Сначала в Москве он зарабатывал частными уроками, затем учительствовал в школах Павловского Посада и станции Крымской на Кубани. Наконец в 1928 году он получил право на пенсию, так как родился 6 мая 1868 года (в семье любили иронизиро-

вать: в один день с императором Николаем II) и вернулся в Псков. 70-рублёвой пенсии не хватало; пришлось по-прежнему подрабатывать репетиторством.

Вскоре семья переехала в старинный дом № 1 на правой стороне Детской улицы, напротив бывшего барского особняка дворян Лавриновских, в котором ныне находится Дворец бракосочетания. А дом № 1 по Детской улице, входивший до революции в состав Спасского подворья, передан возрождённому Спасо-Елеазаровскому монастырю. После реставрации церкви Преполовения Пятидесятницы (Параскевы Пятницы), ставшей действующей, монастырь взялся за восстановление этого и соседнего полукаменных домов над набережной реки Великой, сильно пострадавших от недавнего пожара.

Последнее десятилетие перед войной семья Кушеля Кикоина жила в квартире № 6 дома № 31 на углу Советской и Детской улиц. Это двухэтажное кирпичное нештукатуренное здание с мезонином и подвалами сохранилось, обрело хозяина, сейчас огорожено глухим забором и реставрируется. На его стенах выделяются рельефные шестиконечные звёзды и труднообъяснимые фигуры в виде вытянутой буквы «фита» с полукруглыми рожками вверху и внизу. Очевидно, это - старообрядческие символы, поскольку здание возведено к 1890 году по заказу старообрядца Евдокима Епифанова.

Дети постепенно покидали родительский кров. Старшая дочь Ревекка уехала в Москву, затем в Ярославль, где работала начальником участка на шинном заводе. Вторая дочь Елена окончила школу в Опочке и в 1921 году поступила в Псковский институт народного образования (ИНО), располагавшийся в бывшем здании учительской семинарии на углу Покровской улицы и Иоакимо-Анненского переуллка (нынешнее здание общежития педуниверситета на углу улиц К. Либкнехта и Красных просвещенцев). Из её письма от 14 октября 1990 года с воспоминаниями об учёбе в ИНО хочется привести некоторые малоизвестные краеведам факты.

В частности, она сообщила: *«ИНО имел подшефную школу, которая помещалась в бывшем Епархиальном училище, и студенты на протяжении всей учёбы посещали уроки и давали пробные уроки в этой школе»*. И ещё: *«Многие из участников студенческого хора участвовали в городском хоре, которым руководил артист Листов. Участникам этого хора выдали членские книжки, эпитафией на ней был: «Кто поёт, тот не мыслит зла»*.

В 1924 году Елена Кикоин окончила институт и шесть лет проработала в псковской вечерней школе повышенного типа для взрослых. Выйдя замуж, она уехала в Одессу, где продолжала педагогическую работу, стала заслуженным учителем. После войны, вернувшись из эвакуации, преподавала географию в Одесском университете.

Младший брат Исаака, Абрам Кикоин, родившийся 10 (23) февраля 1914 года, отмечал: *«И в Опочке и в первые годы во Пскове мы жили очень бедно. Настолько бедно, что в школу я пошёл только в 1924 году, десяти лет, сразу в 4-й класс. До того меня не*

Братья Кикоины в 1932 г.

во что было одеть и обусть». Впрочем, и его первые 10 лет не прошли без учёбы. *«Грамоте научила меня мать. Всем остальным занялся брат. Писать брат меня научил так. Лист бумаги он истисывал буквами чёрным карандашом, а я должен был обводить их чернилами. Затем от букв он перешёл к словам и фразам. Одну из первых я запомнил. Она была такая: Научи язык свой говорить: я ничего не знаю»*. Я старательно обводил буквы, и так научился писать» (9). Добавим слова

Абрама о роли отца в школьные годы: «*Меня он заставил пройти полный курс старой гимназии по 30 томам «Гимназии на дому», стоявшим на его книжной полке, и сам руководил этой моей работой. В результате я оказался единственным из моего выпуска (1930 г.), кто смог поступить в ВУЗ».* Это был тот же физико-механический факультет, который в том году окончил Исаак.

В первом письме от 6 августа 1990 года Абрам Кикоин, узнав, что ведёт переписку с псковским краеведом, сообщил мне: «*Когда-то, в школьные годы, и я увлекался краеведением и усердно занимался в краеведческом кружке, которым в нашей первой школе 2-ой ступени руководил наш словесник Василий Яковлевич Разлетовский, знаток Псковской старины, и выпускник нашей школы Юра Спегальский. С нами занимался и замечательный знаток Пскова Август Карлович Янсон, работавший в Поганкиных палатах. Случалось мне бывать в гостях у Ю. П. Спегальского в солодёжне, где он восстановил одну комнату: собственноручно устроил перекрытие, настлал пол, даже изразцовую печь сложил, да и изразцы, кажется, сам изготовил по древним, им же найденным, образцам. Там он и жил».*

Затем, во втором письме, от 15 сентября, Абрам Кикоин по моей просьбе поделился более подробными воспоминаниями, представляющими интерес для истории псковского краеведения. «*Кружок работал так: по воскресеньям совершались экскурсии либо вдоль городских стен (всех трёх), либо в церкви города. Я отлично знал все башины от Покровской до Гремячей и церкви - от Мирожского монастыря до церквей Запсковья.*

Время от времени устраивались собрания, нечто вроде семинаров, на которых реферировались статьи из «Трудов Псковского археологического общества». Собрания эти проводили либо В. Я. Разлетовский, либо другой наш учитель Константин Николаевич Иеропольский (оба они до революции были сотрудниками «Трудов»). Выступал на этих собраниях и я. В памяти сохранилось собрание, на котором я выступил с рефератом статьи «Записки Травина». В другой раз я выступил с докладом о нашествии Стефана

Батория по книге Гарабурды.

Некоторые из нас (я в их числе) были частыми посетителями Поганкиных палат. У входа справа дверь вела в длинную комнату, уставленную книжными шкапами. За столом почти всегда можно было увидеть А. К. Янсона. Посасывая трубку, торчавшую из длинных рыжевато-усов, он перелистывал старинную книгу из многих, которыми был завален стол. Но он охотно отвлекался, чтобы поговорить с нами, мальчишками, которых приводил к нему Юра Спегальский. Тогда я не умел ценить то, что он, крупнейший знаток Псковских древностей, тратил время на то, чтобы возиться со мной, двенадцатилетним парнишкой, помогая мне разбираться в архаике летописей.

Работал кружок наш недолго, примерно до 1927 года. К краеведению, к прошлому, к родной истории начальство (и школьное и всякое другое) было равнодушно, чтобы не сказать враждебно. Ведь в то время история, в том числе и русская, не входила в число школьных дисциплин, и даже в университетах не было исторических факультетов.

В конце 20-х годов краеведение заглохло. Почти пропал интерес к нему и у меня. Всё больше встречались церкви без крестов, колокольни и звонницы без колоколов. («Колокольный звон мешает отдыху трудящихся» - твердили газеты). И до сих пор вид церквей и колоколен без колоколов, где бы я их ни встречал, портит мне настроение».

Братья Исаак и Абрам Кикоины, а также сестра Елена с мужем и маленькой дочкой Жанной приезжали к родителям в Псков. Об одном из приездов брата в Псков весной 1928 года Абрам подробно рассказал в воспоминаниях, публиковавшихся к юбилеям Исаака. (10) Тогда, прогуливаясь по городу, они зашли в клуб на лекцию «Происхождение Пасхи». Исаак не вытерпел и во время обсуждения уличил лектора в незнании библейских текстов, а затем по просьбе заведующего клубом через два часа экспромтом, без подготовки, сделал доклад на популярную тему «Наука и религия».

В архиве Псковского городского отдела ЗАГСа удалось обнаружить запись о смерти 9 февраля 1937 года их младшей сестры, 20-летней Любви Константиновны

Кикоин, служившей счетоводом на станции Псков Октябрьской железной дороги в 21-й дистанции пути и жившей по Советской улице в доме № 31, кв. 6, то есть вместе с родителями. Причиной смерти стал «сепсис послеродовой». В метрической записи ука-

сделать это не удалось. Уже через 18 дней после начала войны город был оккупирован. Буню Израилевну расстреляли вместе с другими на Ваулиных горах. Соседи по квартире рассказали, что за 4-летней Любой приехал отец из Красных Пруд Псковского района. Её дальнейшая судьба неизвестна.

Третья 1 29 2008
 и не знает
 и не знает

Несмотря на столь печальное завершение 25-летнего пребывания семьи на псковской земле, младшие Кикоины не забыли о городе, в котором так много было прожито и пережито, и после войны не раз побывали здесь.

Инициатором встреч стал коллектив 1-й средней школы Пскова. Заранее готовясь к 180-летию школы, ученики 8 А класса узнали, что её выпускником является академик Кикоин. Ему было послано пригласитель-

ное письмо. 1 октября 1966 года он приехал на юбилей с братом Абрамом, привёз в дар школе прибор для показа «фотомагнитного эффекта Кикоина», выступил на торжественном собрании. Братья собирались вернуться в Москву на следующий день, в воскресенье, после посещения Пушкинского заповедника. Но, узнав о предстоявших в понедельник показательных уроках, остались, отложив столичные дела. Исаак Кикоин не стал рассказывать о своей работе, а прочёл ученикам трёх десятых классов увлекательную лекцию о гениальном английском физике, математи-

зано, что справку 2-й Советской больницы города Пскова для регистрации факта смерти представил Г. И. Иванов, живущий в той же квартире (очевидно, её гражданский муж). В той же квартире на воспитании у бабушки с дедушкой Кикоиных осталась родившаяся девочка, которую в память о матери назвали Любой. (Более того, как рассказывает старшая дочь академика Исаака Кикоина, родившаяся в Свердловске через год, 25 мая 1938 года, её решили тоже назвать Любой.)

На этом псковские несчастья семьи не кончились. Сохранилась ещё одна метрическая запись - о смерти 9 марта 1940 года от «миокардиосклероза с декомпенсацией» главы семьи, 72-летнего Константина Исааковича Кикоина, проживавшего по тому же адресу. Его сын Абрам срочно приехал в Псков, но на похороны не успел. В первые дни Великой Отечественной войны Исаак пытался выехать в Псков за матерью, но из-за стремительного наступления фашистских войск

Дом №31 по Советской улице

ке и философе Исааке Ньютоне, доказав, что важнейшие достижения в этих науках опираются на его открытия.

Дружба со школой продолжалась. По приглашению академика ученики подшефного класса на ближайших зимних каникулах побывали в Москве. Он сам провёл их по Институту атомной энергии имени Курчатова, организовал экскурсию по столице, рекомендовал, какие театры, музеи и выставки им надо посетить.

Оба брата приезжали в Псков и в следующем году, когда школа вместе со страной отмечала 50-летие Октябрьской революции. Они устроили с подшефным классом импровизированный концерт, читали стихи Пушкина, Блока... Школьников и педагогов поразило, как весело, задорно солидные учёные спели русскую народную песню «Метёлки». Они не знали, что Исаак Кикоин был организатором и участником «капустников» везде, где ему довелось работать. Видимо, оправдывалось его имя «Исаак», означающее в переводе «смех, смеющийся».

В июне 1968 года, несмотря на болезнь, досрочно выписавшись из больницы, Исаак Кикоин, выполняя своё обещание, приехал с женой Верой Николаевной Тюшевой на выпускной вечер «своего», теперь уже десятого класса. Он вручил ученикам школы, добившимся наибольших успехов в изучении физики, юбилейные медали имени Курчатова, а всем выпускникам 10 А - отлитые в институте памятные медали с изображением здания школы и года выпуска «1968». Кроме того, по просьбе Областного управления образования академик провёл незапланированную трёхчасовую встречу с преподавателями физики в Институте усовершенствования учителей.

Яркие рассказы об этих приездах в Псков, составленные директором 1-й школы М. Н. Максимовским и классной руководительницей Л. Г. Ротгенгер, включены в юбилейные сборники «Исаак Константинович Кикоин. Воспоминания современников» (Москва, 1998, с. 224 - 240) и «И. К. Кикоин. Физика и Судьба» (Москва, 2008, с. 866 - 880), а также в книгу «Псковская земля. История в лицах. «Сии бо люди крылати...» (Москва, 2007, с. 375 - 386).

В феврале 1983 года ученики 6 класса, руководимые учителем истории и заведующим школьным музеем В. Н. Гарбузовым, обратились к академику Кикоину с просьбой рассказать подробнее о годах его учёбы в Пскове. Он охотно откликнулся и постепенно прислал в 1-ю школу четыре письма. Последнее из них было продиктовано в больнице 16 декабря 1984 года, за день до операции и за 12 дней до кончины. Они опубликованы в псковском альманахе «Метаморфозы истории» (№ 3 за 2003 г.) и частично во всесоюзном физико-математическом журнале «Квант» (№ 3 за 1988 г.) к 80-летию со дня рождения покойного основателя и главного редактора этого журнала Исаака Кикоина.

Эти воспоминания о псковском прошлом и дружеское общение с псковичами привели к тому, что он высказал желание, чтобы бронзовый бюст, который обычно устанавливался на родине дважды Героя Социалистического

У бюста И. К. Кикоина

Труда, был поставлен в Пскове. Однако это случилось только через десять лет после второго указа Президиума Верховного Совета о присвоении этого звания и через четыре года после его кончины. По проекту скульптора, на-

родного художника СССР Льва Кербеля бюст изготовил московский архитектор Игорь Иванов. Псковичи долго выбирали подходящее место для его установки, о чем областная газета «Псковская правда» дважды, 15 мая и 11 июня 1988 года, информировала земляков. Наконец остановились на скверике возле пересечения Октябрьского проспекта с Гражданской улицей. Позднее, 20 июля 1995 года, в статье «Исаак Кикоин. Знаем ли мы своих Героев?» газета «Новости Пскова» подробно рассказала обо всех перипетиях установки бюста.

Торжественное открытие состоялось 21 ноября 1988 года. На митинге присутствовали приехавшие в Псков родственники Исаака Кикоина (дочь Люба и сестра Елена, выступившая с воспоминаниями о брате), сотрудники Института атомной энергии имени Курчатова во главе с заместителем директора, лауреатом Ленинской премии Владимиром Николаевичем Прусаковым, рассказавшим о вкладе Кикоина в науку и оборону страны. Они побывали в 1-й средней школе Пскова, встретились с учениками.

Выпускниками этой школы и бывшей губернской мужской гимназии были известные всей стране люди. Некоторым из них на фасадной стене здания установлены мемориальные доски. 30 марта 1998 года, в 90-ю

годовщину со дня рождения И. К. Кикоина, такая доска появилась и в память о нём. На её торжественном открытии присутствовали почётные гости: обе дочери академика Любовь и Надежда, его внук Сергей Романов, заместитель директора Института молекулярной физики профессор С. С. Екимов, ученик Кикоина - доктор физико-математических наук С. Д. Лазарев. По традиции они встре-

чались со школьниками, провели «классные часы».

Свой 220-летний юбилей 1-я школа отмечала в 2006 году. В честь этого события Любовь и Надежда Исааковны Кикоины вместе с Сергеем Дмитриевичем Лазаревым, побывав в Пскове, подарили школе компьютерный класс. Интервью с ними «Псковская правда» опубликовала 28 декабря 2006 года, ровно в 22-ю годовщину со дня кончины академика.

Столетие со дня его рождения после торжественного заседания в Москве отмечалось и в Пскове. Утром 2 апреля 2008 года сюда прибыли дочери И. К. Кикоина, его племянники Константин и Евгения Абрамовичи, Сергей Дмитриевич Лазарев. После традиционных встреч с учениками и педагогами «своей» школы они, в сопровождении автора этих строк, посетили места, связанные с жизнью семьи Кикоиных в Пскове. В четверг, 3 апреля, у памятника юбиляру состоялся многолюдный митинг, а затем в большом зале Администрации Псковской области - первые в Пскове Кикоинские чтения. В тот же день родственники академика

Кикоина подарили 1-й школе его портрет. Он стал украшением школьного зала, в котором к юбилею был оформлен соответствующий стенд.

Примечания

1. Новый энциклопедический словарь (Брокгауз и Ефрон), Т. 17
2. Исаак Константинович Кикоин. Воспоминания современников. Изд. 2-е. М., «Наука», 1998. С.21-25
3. Журнал «Квант», 1988, № 3, с. 3-7
4. См. прим. № 2
5. Там же, с. 253
6. См. прим. № 3
7. ГАПО, ф.Р-492, оп. 1, д. 164, л. 58
8. Там же, д. 165, л. 21
9. См. прим. № 2, с. 10-12
10. Там же